

Максим Антонович

Суемудрие «Дня»

Максим Антонович
Суемудрие «Дня»

«Public Domain»

1861

Антонович М. А.

Суемудрие «Дня» / М. А. Антонович — «Public Domain», 1861

«Люди, желающие иметь обо всех окружающих их предметах точное и определенное понятие, желают иметь такое понятие и о славянофильском „Дне“, и потому спрашивают: „Что такое „День“? Есть ли это газета с основательными или, по крайней мере, с определенными систематическими убеждениями, или просто склад неясных и неопределенных представлений, неосмысленных патриотических выходов и восточно-русского самохвальства, разведение водою посмертного наследства Киреевских, Хомякова и К. Аксакова?“...»

Максим Алексеевич Антонович Суемудрие «Дня»

Люди, желающие иметь обо всех окружающих их предметах точное и определенное понятие, желают иметь такое понятие и о славянофильском «Дне», и потому спрашивают: «Что такое „День“? Есть ли это газета с основательными или, по крайней мере, с определенными систематическими убеждениями, или просто склад неясных и неопределенных представлений, неосмысленных патриотических выходок и восточно-русского самохвальства, разведение водою посмертного наследства Киреевских, Хомякова и К. Аксакова?» Такие вопросы кажутся странными людям, составившим себе ясные и твердые понятия о «Дне», и тем более странными, что они предлагаются уже после того, как г. Чернышевский несколько лет тому назад доказал в «Современнике», что «День» служит лучшим и неподдельным выражением «народной бестолковости». Но эти вопросы и недоумения, выражающиеся в них, при своей странности понятны и извинительны. В последнее время «День» как будто изменился, стал бравировать сильнее прежнего и чаще повторять мнимо красные выходки и подложно радикальные возгласы, которые одних привели в легкий ужас и некоторое смущение, так что они даже прозвали редактора «Дня» русским Мирабо, а других расположили к снисходительности и примирительному расположению к «Дню», или, по крайней мере, вызвали раздумье, обнаружившееся вышеприведенными вопросами, с присовокуплением еще следующих: что такое эти возгласы «Дня»? выражается ли в них серьезное, продуманное, систематическое и потому плодотворное недовольство настоящим и такое же желание лучшего будущего, или же они просто, хоть и шумные, но невинные фразы, сильно хлопающие, но никого не поражающие и не поучающие, выражающие не столько серьезное, из убеждения вытекающее чувство, сколько легкую, поверхностную прихотливость, недовольную только верхушками и мелочами, но вполне неразборчивую и довольную относительно корня и сущности; или же в этих возгласах обнаруживается желание просто порисоваться, побудировать и поворчать для красоты речи и для удовлетворения какому-то суетному и хвастливому зуду?

В видах разрешения этих вопросов и устранения этих затруднений, мы и решаемся рассмотреть новейшие произведения «Дня», т. е. собственно его передовые статьи; потому что все остальное в «Дне» составляет только случайную обстановку или мебель передовых статей.

У всех славянофилов, так же как и у «Дня», нет точки опоры в голове; все они весьма слабы в мыслительном отношении, и в своих суждениях руководствуются больше чувствительностью или, точнее, сентиментальностью. Главный их принцип составляет поэтическое пристрастие к почтенной старине, к седой древности, которая кажется им лучше настоящего. Такое пристрастие к древности есть общее качество слабомысленных и сентиментальных людей, неразвитых и мало цивилизованных обществ и первобытных периодов в истории развития человечества. В ранние периоды истории повсюду существовали мечты о золотом веке, о первобытном невинном и счастливом состоянии, в котором некогда находился человек и которое потом изменилось к худшему. Затем всегда бывали школы и направления, пристрастные к старине и нерасположенные к современности, смотревшие с большею любовью назад, чем вперед. В новой истории классицизм обожал и стремился воскресить классическую греко-римскую древность; явившийся на смену классицизма романтизм был привязан и пристрастен к средним векам, которые он ставил выше XIX века во всех отношениях. Вообще в старине есть стороны привлекательные для наивных людей, которым она и нравится именно наивностью, патриархальностью и простотою; тех же недостатков, которые скрываются в изобилии за этими поэтическими качествами, они умышленно или неумышленно не замечают. — К этому разряду людей принадлежат и славянофилы; и они тоже пристрастились к старине. Из новейших немецких философов они любят, например, только Шеллинга и именно за то, что он искал

откровения высоких истин в древнейших первобытных мифах, сказаниях, преданиях и баснях. Хомяков тоже отыскивал истины в этом же источнике и вообще находил высшее развитие и движение идей в I–IX веках, чем в X–XIX; по его понятиям все умственное движение, начавшееся после появления протестантизма и продолжавшееся до настоящего времени, привело только к умственному растлению и бессилию. – Так как славянофилам ближе всего была русская старина, которая на каждом шагу бросается им в глаза в Москве, то они и обратили свое пристрастие преимущественно на русскую старину.

Но, вероятно, и сами славянофилы понимали, что неловко и неблагопристойно проповедывать прямо возвращение к старине и ставить принципом своих воззрений историческую древность, и потому они свое пристрастие к старине старались скрасить народностью и утверждали, будто бы главный принцип их есть народность, – чему многие и поверили. Однако на самом деле главным пунктом в учении славянофилов была не народность, а именно старина или старинность, древность. Под народностью они понимают не современную народность, осязательно существующую как данный факт, а народность археологическую, некогда в старину существовавшую, а теперь испорченную и погибшую, которую поэтому нужно реставрировать по старым образцам; по их понятиям, – не люди, живущие теперь, с своими свойствами и качествами и со всем своим моральным достоянием составляют народность, а люди, жившие в старину, которым должны уподобляться нынешние люди, если они хотят быть народными; у них нет в мыслях народности в разумном значении этого слова, а есть фантастическая недействительная народность; идею народности они совершенно подчиняют идее стародавности. Поэтому они не славянофилы, а староверы, отрицающие и не признающие народным все, чего не было в старину, и особенно все, что случилось после Петра I, подобно тому как церковные староверы отвергают и признают нечестивым все, что случилось после Никона. По убеждениям славянофилов то, что существовало в старину, должно нерушимо храниться во веки веков, потому что только старинное и народно; Россия теперь уже не народна, потому что была народною только древняя Русь. Что есть у нас отличного от древней Руси, то должно быть уничтожено, и мы во всем должны сравняться с нею. Вот несколько изречений славянофилов для подтверждения высказанных нами замечаний.

«Противоречие основных начал двух спорящих между собою образованностей (т. е. одной чисто русской и другой, сложившейся под влиянием Запада) есть главнейшая, если не единственная причина всех зол и недостатков, которые могут быть замечены в русской земле. Потому примирение обеих образованностей возможно в таком мышлении, которого основание заключало бы в себе самый корень древнерусской образованности, а развитие состояло бы в сознании всей образованности западной и в подчинении ее выводам господствующему духу православно-христианского любомудрия» (Киреевский). – «Мы должны подвергать науку своей собственной критике, просвещенной теми высшими началами, которые нам исстари завещаны православием наших предков». – «Восстановление наших умственных сил зависит вполне от живого соединения с стародавнейю и все-таки нам современною русскою жизнью, и это соединение возможно только посредством искренней любви и общения (?)». – «Русская земля предлагает своим чадам, чтобы пребывать в истине, средство простое и легкое неиспорченному сердцу: полюбить ее, ее прошлую жизнь и ее истинную» (Хомяков). – «Образованная часть России пошла по пути Запада... Но надо воротиться к началам родной земли, надо возвратить (т. е. реставрировать) самый образ жизни, во всех его подробностях, на началах этих оснований, и, следовательно, надо совершенно освободиться от Запада и т. д. и т. д., надо быть русскими, надо быть необходимо вместе с тем верующими и смиренными» (К. Аксаков).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.